

Сергей Гришили

**Хроники Элорисиа.
Зов Крови**

Сергей Гришилин

Хроники Элорисиа. Зов Крови

Серия «Хроники Элорисиа», книга 1

<https://litres.ru/74084706>

SelfPub; 2026

Аннотация

В мире Элорисиа, где эльфы хранят древние тайны в лесах Рэнбуда, гномы куют чудесное оружие в Седых Хребтах, а люди строят королевства на Центральном Плоскогорье, пробуждается зло, что спало пять тысяч лет.

Вул'Тран, Шепчущий из Бездны, зовёт свои армии — орды орков из Забытых Земель — к войне, что поглотит всё живое. И лишь горстка героев может противостоять тьме.

Кавэлиан — молодой кузнец из столицы людей, Светлорэна. Он не знает, что в его жилах течёт кровь дракона Антиса Золотого, что он — последний из тех, кто может запечатать Бездну вновь. Когда тьма атакует его город, Кавэлиан впервые превращается в дракона — и мир уже никогда не будет прежним.

Теперь ему предстоит путь через земли эльфов, в глубины гор гномов, в самое сердце тьмы. Ему предстоит найти союзников, узнать правду о своём происхождении, и принять выбор, что определит судьбу мира.

"Зов Крови" — первая книга эпической саги "Хроники Элорисиа", классическое фэнтези в традициях высокого эпоса.

Содержание

Летопись Элорисиа	5
Кузнец из Светлорэна	26
Путь в Рэнбуд	54
Пламя Антиса	83
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Сергей Гришилин

Хроники Элорисиа.

Зов Крови

Летопись Элорисиа

Сия книга содержит знания о мире Элорисиа, расах, его населяющих, магии, что течёт в его жилах, и истории, что привела мир к порогу великой войны. Да будет она путеводной звездой для тех, кто отважится ступить на земли, где древнее зло пробуждается ото сна, а Шёпот из Бездны становится всё громче.

— Из архивов Эльрисия, переписано по воле Жрицы Лирзаэль, в год Тысяча Пятьсот Третий после Великой Распри

ГЛАВА ПЕРВАЯ: О СОТВОРЕНИИ МИРА

В начале было ничто. И из ничто пробудились Боги — семеро, прекрасных и ужасных в своём могуществе. И сказали они: "Да будет свет", и свет разлился по пустоте. И сказали: "Да будет твердь", и возник мир — Элорисиа, континент, омываемый Морем Тишины на западе и Океаном Рассвета на востоке.

Но прежде, чем Боги создали свет, в пустоте между мирами жил Гул — звук, что не был звуком, шёпот, что сводил с ума даже вечных. И когда Боги принесли в мир порядок, Гул возненавидел их. Ибо Гул жил в хаосе, питался страхом, рос на отчаянии. А мир, созданный Богами, был гармоничен — и это причиняло ему боль.

Первыми Боги создали эльфов — народ вечный, прекрасный, близкий к звёздам. И дали им леса Рэнбуд, где деревья шепчут древние песни.

Вторыми были драконы — величественные и мудрые, хранители равновесия. Семь Великих Драконов получили каждый по части мира, и стали они якорями реальности, удерживающими мир от распада.

Третьими пришли люди — смертные, но исполненные огня и воли. И дали им Боги Центральное Плоскогорье, чтобы строили они королевства и кузницы, чтобы любили и сражались, чтобы жили ярко, ибо век их короток.

Четвёртыми были гномы — народ камня. И отвели им Боги Седые Хребты, сказав: "Копайте глубоко, но не слишком, ибо в глубинах спит зло, что не должно проснуться".

Пятыми пришли орки — но не по воле Богов, а по злому умыслу Вул'Трана, Шепчущего из Бездны, что уже тогда точил когти в тени, ожидая часа своего пробуждения. И дал им Забытые Земли, чтобы были они бичом для остальных рас.

Так был создан мир. И долго царили в нём мир и согласие. Пока не пришло время Великой Распри.

ГЛАВА ВТОРАЯ: О НАРОДАХ ЭЛОРИСИА

О ЛЮДЯХ, НАРОДЕ СВЕТА

Люди — младшие из свободных народов, но не слабейшие. Ибо Боги дали им дар, которого не было у других — способность любить искренне и жертвовать собой ради других.

Живут люди в королевстве Ваниклос, что раскинулось на Центральном Плоскогорье. Столица их — Светлорэн город белых башен и цветущих садов, где король Аваларкис Милосердный правит мудро и милосердно.

Люди смертны, и век их короток — семьдесят, восемьдесят, от силы девяносто лет. Но за этот короткий миг успевают они свершить больше, чем эльфы за столетие. Ибо горят они ярко, как свечи на ветру.

Из людей выходят великие воины, мудрые целители, искусные ремесленники. Не все владеют магией, но те, кто владеют, становятся защитниками слабых.

Сердце народа — Белые Рыцари, что клянутся защищать невинных и сражаться со тьмой. И хотя люди несовершенны — жадны, горды, склонны к ссорам — в час нужды всегда находятся среди них герои.

Ибо таково свойство людей: в них больше, чем в других, и света, и тьмы. Но свет чаще побеждает. Говорят, что Вул'Тран шепчет людям громче всех — в их страхах, сомнениях, воспоминаниях о потерях. Но именно люди чаще всего находят в себе силы не слушать этот шёпот.

ОБ ЭЛЬФАХ, НАРОДЕ ЗВЁЗД

Эльфы — первенцы Богов, и в них течёт магия самого мира. Высокие и прекрасные, с глазами цвета звёзд или листвы, они живут восемьсот, тысячу, а то и полторы тысячи лет.

Дом их — Рэнбуд, Лес, где деревья помнят рождение мира. Столица — Эльрисия, город в кронах гигантских древ, освещённый вечным звёздным светом.

Эльфы мудры, но осторожны. Ибо видели они, как мир меняется, как приходят и уходят народы, как предавали их те, кому они доверяли. Потому закрылись они в своих лесах, окружив их чарами, и мало кто из чужаков ступал на их землю за последние столетия.

Мастера они в магии стихийной и звёздной, в искусстве лука и меча. Но более всего — в песне, ибо эльфийская песня может исцелить раны или разбить камень.

Правит ими Жрица Лирзаэль, что хранит память о всех эпохах.

Эльфы скорбят о драконах, ибо те были их друзьями и учителями. И хотя внешне они холодны и отстранённые, в

глубине сердец их — боль утраты, что не заживает.

Мало кто знает, но эльфы — единственные из смертных рас, кто знает тайну драконидов. И хранят эту тайну, ибо понимают: если мир узнает, что среди людей живут последние потомки драконов — охота начнётся вновь.

Вул'Тран для эльфов — диссонанс, разрушающий их связь с природой. Когда гул его усиливается, эльфы чувствуют физическую боль, как будто сама земля кричит.

О ГНОМАХ, НАРОДЕ КАМНЯ

Гномы — народ крепкий и упрямый, как камень, в котором они живут. Низкорослы, но широки в плечах, бородаты и мускулисты. Живут две с половиной, три, а то и три с половиной сотни лет.

Дом их — Седые Хребты, что тянутся через весь север Элорисиа. Столица — Дарангорд, подземный город, высеченный в горе, где залы сияют золотом и драгоценными камнями.

Гномы — лучшие кузнецы в мире. Их мечи не знают равных, их доспехи выдерживают удары троллей, их арбалеты бьют дальше и точнее любых других. Но не только оружием славны они — камнерезы их создают чудеса, а ювелиры не уступают даже эльфам.

Нейтральны гномы в войнах добра и зла. Не служат они ни свету, ни тьме, а служат своему клану, своей чести и своему

золоту. Торговать будут со всеми — кроме орков, которых ненавидят лютой ненавистью.

Правят ими Дургоруд, потомок основателя Дарангорда, он хранит традиции и законы предков.

Не любят гномы магию, предпочитая сталь и камень. Но рунную магию уважают, ибо она близка к их ремеслу.

Одна беда гномов — любопытство их. Копая всё глубже в поисках лунной стали и драгоценных руд, приближаются они к местам, где лучше бы не ступала нога смертного. Ибо в самых глубоких пещерах, за воротами из чёрного камня, спит Вул'Тран. И чем глубже копают гномы, тем ближе подходят к его темнице. Гул шепчет им во сне, обещая несметные сокровища, если они разрушат печать. И некоторые шахтёры, слышавшие этот шёпот слишком часто, больше не возвращаются из глубин — или возвращаются, но уже не теми.

ОБ ОРКАХ, НАРОДЕ КРОВИ

Орки — создание Вул'Трана, высоки и мускулисты, с зелёной или серой кожей, клыками и маленькими злыми глазами. Живут мало — пятьдесят, семьдесят лет от силы, но живут ярко, в вечной войне и ярости.

Нет у них постоянного дома, ибо кочуют они по Забытым Землям на западе, следуя за добычей и войной. Но главная их крепость — Серая Вись, что стоит на границе с человеческими землями.

Орки жестоки и воинственны. Поклоняются силе — кто сильнее, тот и прав. Живут племенами, что постоянно воюют друг с другом, пока не появится вождь, способный объединить их под одним знаменем.

Шаманы их владеют кровавой магией — приносят жертвы, накладывают проклятия, призывают духов войны. Но более всего страшны орки числом своим — когда объединяются, орды их насчитывают сотни тысяч воинов.

Ныне объединил их Гурагхор — великан среди орков, умный и безжалостный. И ведёт он их на войну, ибо Вул'Тран шепчет ему во сне, обещая весь мир, если Шепчущий из Бездны вырвется из темницы. И Гурагхор слышит этот гул — постоянный, низкий, сводящий с ума, — и гул этот для него звучит как барабаны войны, зовущие к битве.

Ненавидят орки все остальные расы, но сильнее всех — эльфов, ибо те прекрасны, а орки уродливы. И людей, ибо те слабы, но умудряются побеждать.

Помимо орков, Вул'Тран создавал и другие твари — троллей, что бродят по горам, гигантских волков с чёрной шерстью, и безымянных тварей, выползающих из трещин в земле, когда гул становится слишком силён. Все они — плоть его воли, тени, обретшие форму.

О ДРАКониДАХ, НАРОДЕ ТАЙНЫ

О драконидах мало кто знает, и это — их спасение.

Ибо дракони́ды — последние потомки Великих Драконов, что пали в Великой Распре. Не все драконы погибли в той войне — некоторые оставили потомство, смешав свою кровь с кровью смертных. И родились дракони́ды — способные принимать облик человеческий, но несущие в себе искру драконью.

В истинной форме своей — они драконы, величественные и страшные, с чешуёй всех цветов радуги и глазами, в которых горит мудрость веков. Но могут они принять облик человеческий, и тогда выглядят как люди — но с особенностями: глаза необычного цвета, золотые или зелёные, иногда чешуйки на коже, вертикальные зрачки, как у змеи.

Живут они долго — тысячу, две, а то и три тысячи лет. Но век их трагичен, ибо вынуждены они скрываться.

После Великой Распри люди охотились на драконов, желая забрать их силу. Орки убивают их ради забавы. И потому дракони́ды прячутся среди людей, живя под чужими именами, работая простыми ремёслами.

Кузнец Кавэлиан в Светлорэне — дракони́д. Целительница Мираэлиа в деревне у леса — дракони́ца. Старый трактирщик Торниус на большой дороге — дракони́д, помнящий времена до падения.

Мало их осталось — меньше сотни во всём мире. И каждый несёт в себе душу одного из павших Великих Драконов.

Владеют они драконьей магией — чувствуют ложь, видят магию, могут дышать огнём (в человеческом облике — сла-

бо, в драконьем — так, что плавится камень). Но главная сила их — в связи с землёй, ибо драконы были якорями реальности.

Эльфы знают их тайну и хранят её. Люди — не знают. И лучше, чтобы так оставалось, ибо если мир узнает, что среди них живут последние драконы — охота начнётся вновь.

Дракониды слышат Вул'Трана громче всех — ибо они хранители печатей. Для них гул — постоянная боль, как заноза в душе. Многие из них живут на грани безумия, и лишь долг перед павшими предками удерживает их от того, чтобы броситься в Бездну и покончить со страданием.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ: ОБ ИСТОРИИ МИРА

ЭРА СОТВОРЕНИЯ

Когда Боги создали мир, всё было прекрасно. Эльфы танцевали в лесах Рэнбуда, драконы парили в небесах, люди строили первые поселения на Центральном Плоскогорье. Гномы копали свои шахты в Седых Хребтах, и даже орки ещё не были столь жестоки, ибо Вул'Тран спал глубоким сном.

Но в глубинах земли, в Бездне, что зияла под корнями гор, шевельнулось нечто. Вул'Тран, Шепчущий из Бездны, Тёмный Владыка, изгнанный Богами в начале времён, начал

пробуждаться. Ибо даже сон его не был покоем — в нём он точил когти, собирал силу, ждал.

ЭРА ВЕЛИКИХ ДРАКОНОВ

Тысячи лет драконы хранили мир. Семь Великих — Антис Золотой, Пракс Пламенный, Минис Волнующая, Петакс Непокколебимый, Зерис Быстрый, Уракс Тёмный и Сярис Сияющий — каждый хранил свою часть мира.

Но Вул'Тран не спал — он шептал. Его гул проникал в сны, в тишину между словами, в пустоту между ударами сердца. Шептал он оркам, обещая им мир, полный крови и войны, если они помогут ему вырваться. И орки стали его армией, ибо Гул говорил на языке их ярости.

ВЕЛИКАЯ РАСПРЯ

Пять тысяч лет назад Вул'Тран вырвался из темницы своей, и тьма накрыла мир. Не тьма обычная — но тьма, что была жива, что дышала, что шептала имена тех, кто её слышал, сводя с ума целые города. Орды орков хлынули из Забытых Земель, тролли и безымянные твари бродили по земле, а из трещин в земле выползали существа — плоть воли Вул'Трана.

Семь Великих Драконов встали против него. Битва дли-

лась сто лет, и за это время были разрушены королевства, выжжены леса, затоплены города.

В финале, на равнинах, что теперь называют Забытыми Землями, драконы окружили Вул'Трана. Битва длилась семь дней и семь ночей, и гул его был так силён, что камни трескались, а реки меняли направление. И ценой своих жизней запечатали драконы Шепчущего вновь в Бездне.

Но печать была несовершенна, ибо драконы погибли, и некому было её хранить. Остались лишь дракониды — последние потомки, прячущиеся среди людей.

ЭРА МОЛЧАНИЯ

После Великой Распри мир восстанавливался медленно. Люди построили Ваникрос, эльфы ушли в Рэнбуд, гномы вернулись в Седые Хребты. Орки кочевали по Забытым Землям, лелея память о поражении и жажду реванша.

Тысячу лет длился мир. Хрупкий, неустойчивый, но мир.

ЭРА ПРОБУЖДЕНИЯ

Ныне, сто лет спустя после последнего крупного столкновения, мир стоит на пороге новой войны. Ибо гномы, копая слишком глубоко, нарушили печать Вул'Трана. Ещё не вырвался Шепчущий из Бездны, но гул его усиливается. Те, кто

спит близко к Седьм Хребтам, просыпаются в холодном поту, слыша шёпот на незнакомом языке. А те, кто слышит его слишком часто... те больше не просыпаются.

Орки объединяются под знаменем Гурагхора. Дракониды чувствуют пробуждение зла.

И где-то в Светлорэне молодой кузнец по имени Кавэлиан не знает, что кровь дракона течёт в его жилах. Что скоро придётся ему выбрать — прятаться дальше или принять свой долг.

Ибо тень надвигается на Элорисиа. И только союз свободных народов, только храбрость и жертва могут спасти мир.

Но хватит ли этого?

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ: О ВУЛ'ТРАНЕ, ШЕПЧУЩЕМ ИЗ БЕЗДНЫ

ИМЕНА И ЭПИТЕТЫ

Мудрецы избегают произносить его имя вслух, особенно в тишине ночи. Ибо говорят — Гул услышит. И ответит.

Зовут его по-разному, в зависимости от народа и обстоятельств:

- Вул'Тран — истинное имя, что нельзя произносить без содрогания.

- Шепчущий из Бездны — ибо голос его слышен там, где должна быть тишина.
- Владыка Гула — титул, которым называют его в страхе.
- Голодный — ибо питается он реальностью, страхом, отчаянием.
- Безликий — ибо никто не видел его истинного облика и не выжил, чтобы рассказать.

ПРИРОДА ЕГО

Вул'Тран не был создан — он был всегда. Ещё до богов, ещё до света, в пустоте между мирами жил Гул. Он не имел тела, не имел имени — лишь голод и шёпот. И когда Боги сотворили Элорисиа, Гул возненавидел их за то, что они принесли тишину и порядок.

Долго ждал он, пока Боги не отвернутся от своего творения. И тогда нашёл путь в мир через трещины в реальности — там, где магия была слабее всего, под корнями Седых Хребтов.

Там стал он тем, что видим мы — Шепчущим из Бездны.

ШЁПОТ ЕГО

Вул'Тран не просто зло — он психологическая угроза. Его гул проникает в разум каждого, кто находится близко к его

темнице, и каждого, кто открыт его влиянию. Но слышит его каждый по-своему:

- Орки слышат его как барабаны войны, зовущие к битве.
- Гномы слышат его как звон золота в глубинах шахт.
- Люди слышат его как сомнения, страхи, воспоминания о потерях.
- Эльфы слышат его как диссонанс, разрушающий их связь с природой.
- Дракониды слышат его громче всех — ибо они хранители печатей. Для них гул — постоянная боль, как заноза в душе.

ПРИЗНАКИ ПРОБУЖДЕНИЯ

Когда Вул'Тран приближается к свободе, мир подаёт знаки:

1. Тишина становится громкой — в местах, где Гул близко, даже тишина имеет звук — низкий, постоянный гул.
2. Сны становятся кошмарами — люди видят одно и то же: чёрную бездну, в которой что-то шевелится.
3. Магия искажается — заклинания работают неправильно, артефакты выходят из-под контроля.
4. Животные бегут — звери уходят из мест, где Гул силён, оставляя пустые леса.
5. Тени движутся — в углах зрения мелькают силуэты, которых нет.

ГЛАВА ПЯТАЯ: О ГЕОГРАФИИ ЭЛОРИСИА

ЦЕНТРАЛЬНОЕ ПЛОСКОГОРЬЕ

Сердце свободного мира. Равнины, пересечённые реками и холмами, плодородные земли, где колосится пшеница и пасутся стада. Столица — Светлорэн, город белых башен, окружённый стеной из мрамора.

Здесь живут люди, сюда стекаются беженцы со всех концов света. Здесь кузницы день и ночь куют оружие, а рыцари тренируются на турнирах.

РЭНБУД

Западные земли, где царят эльфы. Лес настолько древний, что деревья в нём помнят рождение мира. Тропы его меняются, и чужак, вошедший без приглашения, никогда не выйдет.

Столица — Эльрисия, город в кронах гигантских древ, освещённый магическими огнями. Здесь тишина и покой, но горе тому, кто нарушит этот покой.

СЕДЫЕ ХРЕБТЫ

Север Элорисиа, где тянется горная цепь, полная пещер и шахт. Здесь гномы добывают золото, лунную сталь, драгоценные камни. Их подземные залы — чудо инженерной мысли, освещённое магическими кристаллами.

Столица — Дарангорд, высеченный в горы. Здесь кузницы никогда не остывают, а молоты стучат день и ночь.

Но чем глубже копают гномы, тем ближе подходят к Бездне. И некоторые шахтёры клянутся, что слышат оттуда шёпот...

ЗАБЫТЫЕ ЗЕМЛИ

Запад, где когда-то произошла последняя битва Великой Распри. Земля выжжена, трава не растёт, небо всегда затянуто тучами. Здесь кочуют орды орков, здесь стоит Серая Высь — крепость Гурагхора.

Мало кто решается ступить на эти земли, ибо орки убивают всех чужаков. Но слухи говорят, что там, в глубине равнин, что-то пробуждается...

ШПИЛЬ ПРЕДКОВ

Высочайшая гора Элорисиа, что стоит на границе всех земель. Когда-то здесь жили Великие Драконы, здесь были их гнёзда, их сокровища. Теперь гора заброшена, ибо кто осмелится ступить на место, где умерли боги?

Но дракониды знают — Шпиль не пуст. Там, в самых высоких пещерах, хранятся яйца. Яйца, что не вылупились за тысячи лет. И когда придёт время — они проснутся.

ГЛАВА ШЕСТАЯ: О ПРОРОЧЕСТВАХ И ЛЕГЕНДАХ

ПРОРОЧЕСТВО О ПОСЛЕДНЕМ ДРАКОНЕ

Когда тень накроет солнце,

Когда печать треснет,

Когда мёртвые встанут,

Проснётся последний дракон.

Не в чешуе золотой,

Не с крыльями, что закрывают небо,

А в облике простого смертного,

С огнём в крови и судьбой в глазах.

И встанет он против Гула,

Один, без армии, без союзников,

Ибо только драконья кровь

Может заставить Безмолвие звучать вновь.

Но цена будет высока —

Жизнь или свобода,

Любовь или долг,

Мир или вечный гул.

Так говорят эльфы, хранящие это пророчество в своих архивах в Эльриси. И мало кто знает, что Кавэлиан, кузнец из Светлорэна, подходит под это пророчество более, чем кто-либо другой.

ЛЕГЕНДА О СЕМИ ПЕЧАТЯХ

Семь Великих Драконов, умирая, оставили семь печатей, удерживающих Вул'Трана в Бездне. Каждая печать — в сердце дракониды, несущего душу одного из павших.

Пока живы дракониды — печати держат. Но если умрёт последний — Бездна раскроется, и Шепчущий вырвется на свободу.

Говорят, что драконидов осталось меньше сотни. И с каж-

дым годом их становится меньше — охотники, болезни, старость забирают их одного за другим.

ЛЕГЕНДА О МЕЧЕ РАССВЕТА

Меч Рассвета, способный разрубить любую тьму, исцелить любую рану, убить любое зло.

Но он спит, и пробудится только в руках того, кто достоин — того, в ком течёт кровь дракона и сердце человека.

ЭПИЛОГ ЛЕТОПИСИ

Таков мир Элорисиа. Мир, где добро и зло ведут вечную войну. Где расы живут бок о бок, но не всегда доверяют друг другу. Где древнее зло пробуждается, а герои ещё не знают о своём предназначении.

Но время идёт. Тень растёт. Гул становится громче. И скоро — очень скоро — начнётся история, что изменит мир навсегда.

История о кузнеце, что стал драконом.

Об эльфийке, что полюбила смертного.

О гноме, что выбрал честь вместо золота.

Об орке, что стал больше, чем просто воином.

История о войне, что охватила весь мир.

О жертвах, что пришлось принести.

О надежде, что не умирает даже в самой глубокой тьме.

Ибо таково свойство этого мира: даже в час величайшей опасности находятся те, кто готов сражаться за свет.

Да начнётся же история.

Конец Летописи Элорисиа

Да хранит вас свет звёзд, и да не услышите вы Гула в тишине ночи.

Кузнец из Светлорэна

Утро в Светлорэне начиналось не с солнца — солнце приходило позже, когда его золотые лучи уже касались белых башен города, окрашивая мраморные стены в цвет расплавленного мёда. Утро начиналось со звука.

Тысячи молотов, больших и малых, тяжёлых и лёгких, ударяли по наковальням в кузницах Светлорэна. Этот звук был сердцем города, его пульсом, его дыханием. Он будил горожан раньше, чем петухи, раньше, чем колокола храмов, раньше, чем крики торговцев на рынках.

Кавэлиан проснулся от этого звука, как просыпался каждое утро последние десять лет. Он лежал на своей узкой кровати в маленькой комнате над кузницей, глядя в потолок, где трещина, похожая на молнию, тянулась от угла к углу. Он смотрел на неё каждое утро, и каждое утро думал одно и то же: "Надо бы починить".

Но потом он вставал, спускался вниз, раздувал горн, и трещина забывалась.

Ему было двадцать два года, хотя выглядел он старше — руки, огрубевшие от работы с металлом, морщинки вокруг глаз от постоянного прищуря в дыму, коротко стриженные тёмно-каштановые волосы, что всегда казались слегка пыльными, даже когда он их мыл. Лицо его было обычным — не красивым, не уродливым, просто лицом молодого человека,

что много работает и мало спит.

Но были в нём странности.

Глаза — золотистые, с вертикальными зрачками, как у змеи. Мать говорила, что это от отца, которого Кавэлиан никогда не видел. "Он был особенным", — говорила она, и в голосе её звучала такая боль, что Кавэлиан не расспрашивал. Мать умерла три года назад, унеся тайну отца с собой в могилу.

Ещё была температура. Тело Кавэлиана всегда было горячее, чем у других людей. Когда он брал кого-то за руку, люди вздрагивали — "Ты как раскалённый металл", — говорили они, и смеялись, но в смехе этом была доля страха.

И ещё — сны.

Каждую ночь, без исключения, Кавэлиан видел одно и то же. Чёрную бездну, такую глубокую, что дно её терялось во тьме. И гул — низкий, постоянный, сводящий с ума гул, что шептал имена, которых он не знал, на языке, которого не понимал. Он просыпался в холодном поту, с сердцем, колотящимся как птица в клетке, и долго не мог уснуть, глядя в потолок с трещиной-молнией.

Но утром всё это забывалось. Утром был металл. Утром была работа. Утром был Светлорэн.

Кавэлиан встал, натянул штаны, рубаху, кожаный фартук — тяжёлый, в ожогах, с запахом дыма и железа, что никогда не выветривался. Спустился по скрипучей лестнице вниз, в кузницу.

Кузница была маленькой — два горна, три наковальни, стена с инструментами — молоты, клещи, долота, напильники. Но всё было в идеальном порядке, всё блестело, всё лежало на своих местах. Кавэлиан унаследовал кузницу от мастера Баррика, что взял его учеником, когда Кавэлиану было двенадцать. Баррик умер год назад, оставив кузницу ему — "Ты единственный, кто не боится огня", — сказал он на смертном одре. И Кавэлиан действительно не боялся. Огонь был его другом, его утешением, его домом.

Он раздул горн, угля затрещали, пламя взметнулось вверх, оранжевое, потом жёлтое, потом белое. Жар ударил в лицо, но Кавэлиан даже не зажмурился. Он любил этот жар. Он любил этот момент, когда мир вокруг сужался до горна, наковальни и куска металла, что ждал, когда его превратят во что-то новое.

Сегодня нужно было закончить меч для капитана городской стражи. Простой меч, без украшений, без рун, без магии — просто хороший, крепкий меч, что должен был служить верой и правдой. Кавэлиан взял заготовку — полосу стали, уже закалённую, но ещё не отточённую — положил её на наковальню и поднял молот.

Удар.

Искры брызнули в стороны, как маленькие солнца.

Удар.

Металл стонал под молотом, податливый, послушный.

Удар.

Кавэлиан не думал ни о чём. Его руки работали сами, тело двигалось в ритме ударов, дыхание сливалось с дыханием горна. В эти моменты он чувствовал себя частью чего-то большего — не просто кузнецом, а продолжением огня, металла, самой кузни. В эти моменты он был дома.

— Кавэлиан!

Голос из-за двери заставил его вздрогнуть. Молот замер в воздухе.

— Кавэлиан, ты там? Открой!

Это был Ринор, сосед, трактирщик. Кавэлиан поставил молот, вытер лоб рукавом и пошёл открывать.

Ринор стоял на пороге, румяный, весёлый, с деревянной ложкой в руке — видимо, мешал что-то в котле, когда вспомнил о Кавэлиане.

— Слушай, — сказал он, не дожидаясь приглашения войти. — Ты сегодня вечером свободен?

— Зависит от того, что ты предлагаешь, — Кавэлиан усмехнулся. Ринор всегда что-то предлагал — то выпить, то в карты сыграть, то на девичью ярмарку сходить.

— Да ничего особенного. Просто ребята собираются у меня в трактире. Торниус, что на большой дороге, заезжал — привёз новости с севера. Говорит, что-то странное творится. Ну, и выпить есть.

Кавэлиан нахмурился.

— Что за новости?

Ринор махнул рукой.

— Да кто их разберёт, стариковские байки. Говорит, шахтёры в Седых Хребтах слышат какие-то голоса. Что гномы копают слишком глубоко. Что тени странные. Да мало ли что старики набрешут.

Кавэлиан почувствовал, как что-то холодное шевельнулось в груди. Не страх — что-то другое. Узнавание.

Он слышал эти голоса. Каждую ночь. В своих снах.

— Ладно, — сказал он. — Приду.

— Вот и отлично! — Ринор хлопнул его по плечу. — К вечеру, значит. И не опаздывай, а то Торниус уедет обратно на свою дорогу.

Он ушёл, а Кавэлиан вернулся к наковальне. Но работать уже не мог. Руки дрожали. Молот казался слишком тяжёлым.

Он посмотрел на огонь в горне. Пламя плясало, как всегда. Но ему показалось — или это правда было? — что в глубине огня, на мгновение, мелькнуло что-то. Золотой глаз. Вертикальный зрачок.

Кавэлиан моргнул.

Ничего не было. Только огонь.

Он покачал головой и снова поднял молот.

"Просто устал", — сказал он себе.

Но холод в груди не уходил.

Кавэлиан работал медленно. Молот поднимался и опускался, но ритм сбивался — то слишком рано, то с запозданием. Металл на наковальне остывал, и ему приходилось воз-

вращать его в горн, ждать, пока угли снова разгорятся, и начинать всё сначала.

"Соберись", — сказал он себе.

Но мысли не собирались. Они возвращались к словам Ринора. Голоса в Седых Хребтах. Шахтёры, что слышат шёпот. Тени, что движутся сами по себе.

Кавэлиан знал, что это не байки. Он слышал этот шёпот каждую ночь. Видел эти тени — в углах комнаты, в отражениях воды, в дыму, что поднимался от горна. Он думал, что это просто усталость, просто сны, что не отпускают его даже днём. Но теперь...

Дверь кузницы скрипнула, и вошёл клиент.

Это был не местный. Одет он был в дорожный плащ, пыльный от долгого пути, с капюшоном, что скрывал лицо. Но Кавэлиан сразу заметил — плащ хороший, ткань плотная, дорогая. Сапоги — из мягкой кожи, не для простой ходьбы. Пояс — с серебряной пряжкой, на которой виднелся герб, но Кавэлиан не смог его разобрать — что-то с драконом, или... с птицей?

— Ты Кавэлиан? — голос был низким, хриплым, как у человека, что много кричал на ветру.

— Да, — Кавэлиан вытер руки о фартук. — Чем могу помочь?

Незнакомец откинул капюшон, и Кавэлиан увидел лицо — худое, с глубокими морщинами, обрамленное седой бородой. Глаза — тёмные, умные, внимательные. Но было в

них что-то ещё — что-то, что заставило Кавэлиана насторожиться. Не угроза. Скорее... узнавание.

— Мне нужен меч, — сказал незнакомец. — Хороший. Крепкий. Такой, чтобы не подвёл в бою.

— У меня есть несколько готовых, — Кавэлиан кивнул на стену, где висели мечи — простые, рабочие, без украшений. — Выбирай.

Незнакомец подошёл, снял один меч, взвесил в руке, провёл пальцем по лезвию.

— Работа хорошая, — сказал он. — Но мне нужен не просто хороший меч. Мне нужен меч, что выдержит... особое.

— Особое? — Кавэлиан нахмурился. — Что вы имеете в виду?

Незнакомец посмотрел на него долгим взглядом.

— Я слышал о тебе, кузнец. Говорят, ты работаешь с металлом так, словно понимаешь его. Словно металл слушается тебя.

Кавэлиан пожал плечами.

— Просто привычка. Десять лет у горна — и ты начинаешь чувствовать, что делаешь.

— Возможно, — незнакомец усмехнулся. — А возможно, в тебе есть что-то большее. Что-то, что ты сам в себе не признаёшь.

Кавэлиан почувствовал, как холод в груди снова шевельнулся.

— Что вам нужно? — спросил он, стараясь, чтобы голос

звучал ровно.

— Меч, — повторил незнакомец. — Но не обычный. Я вернусь через три дня. К тому времени ты должен выковать для меня клинок. Не важно какой формы, не важно какого размера. Но он должен быть... особенным.

— А как я пойму, что он особенный?

Незнакомец подошёл ближе, и Кавэлиан увидел, что в его тёмных глазах что-то блеснуло — не свет, не отражение. Что-то изнутри.

— Ты поймёшь, — сказал он. — Когда начнёшь ковать, ты почувствуешь. Металл сам скажет тебе.

Он положил на прилавок кошель — тяжёлый, звонкий — и развернулся к двери.

— Подождите! — крикнул Кавэлиан. — Как вас зовут?

Незнакомец обернулся на пороге.

— Торниус, — сказал он. — Просто Торниус.

И ушёл.

Кавэлиан стоял, глядя ему в спину, и чувствовал, как сердце колотится где-то в горле. Что это было? Кто этот Торниус? Откуда он знает о нём?

Он посмотрел на кошель. Открыл. Внутри — золотые монеты. Много. Больше, чем он зарабатывал за месяц.

"Просто выковать меч", — сказал он себе. "Просто хороший меч".

Но руки дрожали.

Он работал до полудня, но меч для капитана стражи так

и не был закончен. Кавэлиан отложил его, достал заготовку для нового клинка — того, что просил Торниус — и положил её на наковальню.

Он смотрел на полосу стали. Обычная сталь. Ничем не примечательная.

"Что особенного я должен в неё вложить?" — думал он.

Поднял молот.

Удар.

Искры.

Удар.

И что-то произошло.

Не сразу. Сначала — просто удары, как всегда. Но потом, с каждым ударом, Кавэлиан начал чувствовать... что-то. Не металл. Что-то внутри металла. Как будто сталь дышала. Как будто она ждала.

Его руки двигались сами. Молот поднимался и опускался в ритме, которого он не задавал — ритме, что шёл изнутри, из самой стали. И с каждым ударом металл менялся — не внешне, а внутренне. Кавэлиан чувствовал, как он становится плотнее, острее, сильнее.

Он не думал. Он не планировал. Он просто ковал.

И в какой-то момент он понял, что пламя в горне изменилось. Оно стало не оранжевым, не жёлтым. Оно стало... золотым. Ярко-золотым, как солнце. И это золото текло из горна, вливалось в металл, становилось частью клинка.

Кавэлиан остановился.

Молот выпал из его руки.

Он смотрел на наковальню, и дыхание перехватило.

Клинок лежал на ней — но это был не просто клинок. Металл светился изнутри, слабым, но отчётливым золотистым светом. Лезвие было идеальным — не просто острым, а словно созданным для того, чтобы резать самую тьму. Рукоять... Кавэлиан не помнил, чтобы делал рукоять, но она была — из тёмного дерева, с золотыми прожилками, что пульсировали в такт его сердцу.

"Что я наделал?" — подумал он.

Он протянул руку, коснулся лезвия.

Оно было горячим. Не от огня — от чего-то другого. И когда его пальцы коснулись металла, он услышал... голос.

Не слова. Не шёпот. Просто — голос. Низкий, древний, полный силы и боли. Голос, что говорил на языке, которого он не знал, но смысл которого понимал.

"Проснись".

Кавэлиан отдёргнул руку.

Клинок лежал на наковальне, светясь золотом. И Кавэлиан понял — это не просто меч. Это... что-то большее. Что-то, что он не должен был создавать. Что-то, что не должно существовать.

Он схватил клинок, завернул его в тряпку, спрятал под прилавок.

Руки дрожали так сильно, что он едва мог стоять.

Он не работал до вечера. Не мог. Он сидел на табурете, глядя на спрятанный клинок, и пытался понять, что произошло. Но ответы не приходили.

Когда солнце начало садиться, окрашивая белые башни Светлорэна в розовый цвет, Кавэлиан решил — нужно идти к Ринору. Нужно отвлечься. Нужно поговорить с Торниусом — тем самым Торниусом, что на большой дороге, не с тем, что был в кузнице. Или это один и тот же?

Он запер кузницу, сунул меч в сумку — на всякий случай — и пошёл по улицам.

Светлорэн был красив в этот час. Белые башни горели в закатном свете, сады цвели — розы, лилии, яблони. Люди спешили по делам — торговцы сворачивали лавки, дети бежали домой, рыцари патрулировали улицы в своих сверкающих доспехах.

Кавэлиан шёл медленно, глядя по сторонам. Город был его домом — он знал каждую улицу, каждый переулок, каждый камень. Но сегодня... сегодня город казался другим. Как будто тени стали длиннее. Как будто в воздухе висело что-то — напряжение, ожидание.

Он прошёл мимо храма — большого, белого, с колоннами и статуями Богов. Внутри горели свечи, слышались голоса молящихся. Кавэлиан не зашёл — не его дело, молитвы. Но

на мгновение ему показалось, что статуя одного из Богов — того, что держал в руке меч — повернула голову и посмотрела на него.

Он моргнул.

Статуя стояла неподвижно.

"Устал", — сказал он себе. "Просто устал".

Но ноги несли его быстрее.

Таверна Ринора была на окраине города, ближе к воротам, откуда начиналась большая дорога. Это было место, где собирались путники, торговцы, солдаты на отдыхе — все, кому было что рассказать или кто хотел послушать.

Когда Кавэлиан вошёл, таверна была полна. Пахло жареным мясом, элем, дымом от очага. Гомон стоял такой, что нужно было кричать, чтобы тебя услышали.

Ринор за стойкой увидел его и помахал рукой.

— Кавэлиан! Вот и ты! Проходи, садись! Торн уже здесь!

Кавэлиан протиснулся сквозь толпу к столу в углу, где сидел старик — седой, морщинистый, с добрым лицом и умными глазами. Это был Торниус — трактирщик с большой дороги, что заезжал в Светлорэн раз в несколько месяцев. Кавэлиан знал его с детства — Торниус всегда привозил новости, истории, иногда — подарки.

— Кавэлиан! — Торниус улыбнулся, показывая редкие зубы. — Как поживаешь, парень?

— Нормально, — Кавэлиан сел напротив. — Ты говорил, привёз новости?

Торниус наклонился ближе, его голос стал тише.

— Да. Странные дела на севере. Ближе к Седым Хребтам.

— Что случилось?

— Шахтёры пропали, — сказал Торниус. — Гномы. Ушли в шахту и не вернулись. Искали три дня — нашли только их инструменты. И... следы.

— Какие следы?

Торниус помолчал.

— Когти, — сказал он. — Большие. Такие, что я никогда не видел. И... запах. Сера и что-то ещё. Что-то гнилое.

Кавэлиан почувствовал, как холод в груди снова шевельнулся.

— И это не всё, — продолжил Торниус. — Путники говорят — на дорогах стало беспокойно. Не орки. Что-то другое. Тени, что движутся сами по себе. Голоса, что шепчут из темноты. Животные бегут из лесов — волки, медведи, даже олени. Все бегут на юг.

— Почему?

Торниус пожал плечами.

— Кто знает. Может, волков боятся. Может, ещё чего. Но я скажу тебе одно, парень — я стар, я много видел на своей дороге. Но такого... такого я не видел. Что-то пробуждается. Что-то, что лучше бы не пробуждалось.

Кавэлиан молчал. Он думал о мече, что лежал в его сумке. О золотом свете. О голосе, что сказал: "Проснись".

— Торниус, — сказал он тихо. — Ты когда-нибудь слы-

шал о драконидах?

Старик замер.

Его улыбка исчезла. Глаза — добрые, весёлые — стали другими. Тёмными. Глубокими.

— Откуда ты знаешь это слово? — спросил он, и голос его изменился — стал ниже, старше, полнее.

— Я... я слышал, — Кавэлиан пожал плечами, стараясь выглядеть равнодушным. — Старые легенды. Сказки.

Торниус смотрел на него долго. Очень долго.

— Это не сказки, — сказал он наконец. — И не легенды. Это правда. Страшная правда.

Он наклонился ближе, и Кавэлиан увидел — в его глазах, на мгновение, мелькнуло что-то. Золотой блеск. Вертикальный зрачок.

— И если ты спрашиваешь о них, парень, — значит, тебе пора узнать правду. О себе. О мире. О том, что пробуждается в Седых Хребтах.

Кавэлиан открыл рот, чтобы спросить — что за правда? — но в этот момент дверь таверны распахнулась.

И вошёл он.

Тот самый незнакомец. Торниус из кузницы.

Но теперь он был другим. Капюшон откинут, и Кавэлиан видел его лицо — то же, но... напряжённое. Глаза рассматривали таверну, ища кого-то.

И когда его взгляд упал на Кавэлиана, тот почувствовал — незнакомец увидел его. Увидел и... узнал.

Торниус-старик тоже увидел его. И его лицо изменилось — стало жёстким, настороженным.

— Кавэлиан, — сказал он тихо. — Уходи. Сейчас.

— Что?

— Уходи, — повторил Торниус, и в его голосе была такая срочность, что Кавэлиан не стал спорить. — И возьми с собой тот меч, что ты сегодня выковал. Уходи, пока не поздно.

— Почему? Что...

Но он не успел договорить.

Незнакомец сделал шаг вперёд, и Кавэлиан увидел — его рука легла на рукоять кинжала за поясом.

И в этот момент гул.

Тот самый гул, что Кавэлиан слышал каждую ночь в снах, заполнил таверну. Низкий, постоянный, сводящий с ума. Люди вокруг замерли — не от страха, а словно время остановилось.

Гул заполнил таверну, как вода заполняет трюм тонущего корабля — медленно, неотвратно, оставляя всё меньше воздуха. Кавэлиан чувствовал его не только ушами — он чувствовал его кожей, костями, самой кровью. Гул вибрировал в нём, откликался на что-то глубокое, древнее, что спало в его жилах все двадцать два года.

Люди вокруг начали приходить в себя — но не так, как должно было быть. Кто-то хватался за голову, кто-то вскрикивал, кто-то просто стоял, глядя пустыми глазами в никуда. Ринор за стойкой уронил кружку — она разбилась, эль

расплескался по полу, но он даже не заметил. Его лицо было искажено — не страхом, а болью, как будто кто-то выкручивал его мысли наизнанку.

— Вул'Тран... — прошептал старый Торниус, и в его голосе было столько ненависти, что Кавэлиан вздрогнул. — Он нашёл тебя.

Незнакомец — тот, что приходил в кузницу, — выхватил кинжал. Лезвие блеснуло в свете очага — но блеснуло странно, криво, как будто свет ломался о него.

— Отдай клинок, — сказал он, и голос его был другим теперь — не хриплым, не низким. Голос был... множественным. Как будто говорили сразу несколько человек, и все они звучали почти одинаково. — Отдай клинок, драконид. И, может быть, я сделаю это быстро.

Кавэлиан отступил на шаг. Рука его инстинктивно легла на сумку, где лежал меч — тот самый, что он выковал сегодня. Меч, что светился золотом. Меч, что шептал.

— Кто ты? — спросил он, и голос его звучал спокойнее, чем он чувствовал себя.

Незнакомец усмехнулся — но усмешка была неправильной. Уголки рта поднимались слишком высоко, глаза оставались неподвижными.

— Я — голос, — сказал он. — Я — шёпот в темноте. Я — то, что приходит, когда ты спишь. Я — Вул'Тран.

И в этот момент Кавэлиан увидел.

Незнакомец менялся. Не медленно, не постепенно — а

рвался, как ткань, которую тянут в разные стороны. Кожа его трескалась, но под ней была не кровь, не плоть — тьма. Живая, дышащая тьма, что клубилась, как дым, но имела форму. Щупальца — нет, не щупальца. Что-то вроде пальцев, но слишком длинных, слишком тонких, с суставами там, где их быть не должно. И глаза — множество глаз, что открывались в этой тьме, золотых, с вертикальными зрачками.

Как у Кавэлиана.

— Нет, — сказал старый Торниус, и голос его прогремел, как удар грома в закрытом помещении. — Ты не Вул'Тран. Ты — лишь тень его. Лишь эхо. И ты не получишь его.

Кавэлиан обернулся.

Старый трактирщик встал из-за стола — но встал неправильно. Он выпрямился, и его сутулая спина, его старческие плечи — всё изменилось. Он стал выше. Намного выше. Его кожа — морщинистая, дряблая — начала меняться. Не трескаться, как у твари, а... преобразаться. Морщины разглаживались, но не в молодость — в что-то другое. В силу. В древность.

И глаза.

Глаза Торниуса стали золотыми. Полностью золотыми, без белков, без зрачков — просто два куска расплавленного солнца в его лице.

— Беги, Кавэлиан, — сказал он, и голос его был не голосом старика. Голос был рёвом, что сотрясал стены, что заставлял кружки на полках звенеть. — Беги и не оглядывайся.

Тварь — то, что было незнакомцем — зашипела. Звук был таким, что у Кавэлиана заложило уши.

— Драконид, — прошипела она множественным голосом. — Ты предал его. Ты предал Гул. Но ты не уйдёшь.

Она бросилась — не пошла, не побежала, а именно бросилась, как хищник, как тень, что стала плотью. Щупальца-пальцы метнулись к Кавэлиану, и он инстинктивно поднял руку, чтобы защититься.

И в этот момент сумка на его плече вспыхнула.

Не огнём — светом. Золотым, ослепительным светом, что вырвался из ткани, из меча, что лежал внутри. Свет ударил в тварь, и та закричала — крик был таким, что стёкла в окнах таверны треснули.

Кавэлиан выхватил меч.

Клинок горел в его руке — не обжигал, но был живым. Золотой свет тек по лезвию, пульсировал в такт его сердцу. И Кавэлиан понял — он знал, что делать. Не разумом — телом. Руками. Кровью.

Он сделал шаг вперёд.

Удар.

Меч рассёк тьму — буквально рассёк, как нож масло. Щупальца отпали, превратились в дым, что рассеялся с шипением. Тварь отступила, множественные глаза моргали, и в них было что-то новое — удивление. Или страх.

— Невозможно, — прошипела она. — Клинок Рассвета... Но он спит... Он должен спать...

— Он проснулся, — сказал старый Торниус, и Кавэлиан увидел — старик тоже изменился. Не полностью — но на его руках, на шее, проступила чешуя. Золотая, как у Кавэлиана, но темнее, с оттенком старой меди. — Он проснулся, потому что последний из нас нашёл свой путь.

Тварь зашипела снова — но теперь в этом шипении была ярость.

— Тогда я заберу его! — взревела она. — И Гул будет пить его кровь!

Она бросилась снова — но на этот раз старый Торниус был быстрее. Он шагнул вперёд, и его рука — уже не рука человека, а когтистая лапа, покрытая чешуёй — ударила тварь в грудь. Удар был таким, что воздух взорвался, и тварь отлетела к стене, врезалась в неё с треском.

— Кавэлиан! — крикнул Торниус. — Превращайся! Сейчас! Или мы оба погибнем!

— Что?! — Кавэлиан отступил, меч в его руке дрожал. — Я не понимаю!

— Понимаешь! — рыкнул Торниус. — В крови! В огне! В том, что ты есть! Превращайся!

Тварь поднималась со стены — тьма в ней клубилась, восстанавливая форму. Множественные глаза горели ненавистью.

И Кавэлиан почувствовал.

Что-то внутри него — что-то, что было там всегда, но что он игнорировал все двадцать два года — начало шевелиться.

Не в груди — глубже. В самой крови. В костях. В том месте, где жил гул, что мучил его по ночам.

Но теперь гул был другим. Теперь он был не шёпотом Вул'Трана — он был его собственным гулом. Гулом его крови. Гулом его истинной природы.

Боль.

Невыносимая боль — как будто его тело разрывалось изнутри. Кавэлиан упал на колени, меч выпал из его руки. Он кричал — или думал, что кричал, но звука не было. Только боль.

И потом — освобождение.

Его тело изменилось. Не медленно, не постепенно — а взорвалось наружу. Кости трещали, растягивались, мышцы рвались и пересобирались. Кожа — его человеческая кожа — лопалась, и под ней была... чешуя. Золотая чешуя, что горела в свете очага, как расплавленное солнце.

Крылья.

Огромные крылья, что расправились, сметая со стола кружки, тарелки, всё, что на нём было. Крылья, что были слишком большими для этого помещения, но они были — и они были его.

Хвост.

Длинный, мощный хвост, что ударил по полу, и доски проломилась под его весом.

И голова.

Голова дракона — с рогами, с зубами, с глазами, что горе-

ли золотом. Глазами, что видели мир по-другому — не как человек, а как... дракон.

Кавэлиан — нет, уже не Кавэлиан, а то, чем он всегда был — поднялся на лапы. Лапы были огромными, с когтями, что царапали камень пола. Он чувствовал силу — такую силу, какой никогда не чувствовал в человеческом теле. Он чувствовал огонь — не в горне, а в груди, в пасти, готовый вырваться наружу.

Он посмотрел на тварь.

И тварь отступила.

Впервые — отступила.

Множественные глаза моргали, и в них был страх. Настоящий страх.

— Невозможно, — прошипела она. — Полный... Полный драконид... Но таких не осталось...

Кавэлиан открыл пасть.

И огонь вырвался наружу.

Не обычный огонь — золотой огонь, что был горячее любого пламени, что он когда-либо видел в горне. Огонь ударил в тварь, и та закричала — но крик оборвался, потому что тьма, из которой она состояла, начала гореть. Гореть золотым пламенем, что не оставляло ничего — ни тени, ни эха, ни даже запаха.

Через мгновение твари не было.

Только выжженное пятно на стене.

Кавэлиан стоял, тяжело дыша. Огонь в его пасти угас, но

жар в груди остался. Он чувствовал себя... правильно. Впервые за двадцать два года он чувствовал себя правильно. Как будто всю жизнь носил тесную одежду, и наконец-то её снял.

— Хорошо, — сказал старый Торниус, и голос его был усталым, но в нём была гордость. — Очень хорошо, юный.

Кавэлиан повернул голову — движение было нечеловеческим, плавным, грациозным. Он посмотрел на Торниуса — и увидел не старика, а... другого дракона. Не полностью — Торниус оставался в человеческом облике, но чешуя на его руках и шее, золотые глаза, длинные пальцы с когтями — всё это говорило о том, кем он был на самом деле.

— Ты... ты тоже... — Кавэлиан попытался говорить, но из его пасти вырывался не голос, а рёв. Он моргнул, сосредоточился, и почувствовал — он может. Может говорить. Может вернуться.

И он вернулся.

Не полностью — но частично. Крылья исчезли, хвост втянулся, чешуя отступила, оставив лишь золотистый оттенок кожи. Но глаза остались золотыми. Зрачки остались вертикальными. И сила осталась — в крови, в костях, в каждом вдохе.

Он стоял на двух ногах — как человек. Но был уже не человеком.

— Кто ты? — спросил он Торниуса, и голос его был хриплым, но человеческим.

— Я — Торниус, — сказал старик. — И я — драконид.

Как и ты. Как и те немногие, что ещё остались в этом мире.

— Но почему... почему я не знал?

Торниус вздохнул — и в этом вздохе была тысяча лет усталости.

— Потому что так было безопаснее, юный. Для тебя. Для всех нас. Мир не любит драконидов. Люди охотились на нас, желая забрать нашу силу. Орки убивают нас ради забавы. А теперь... теперь Вул'Тран пробудился, и он тоже охотится на нас.

— Вул'Тран... — Кавэлиан посмотрел на выжженное пятно на стене. — Это было... его создание?

— Тень его, — кивнул Торниус. — Лишь эхо. Но эхо, что может убить. И если он нашёл тебя здесь, значит, он знает о тебе. Значит, ты больше не в безопасности.

Кавэлиан посмотрел на меч, что лежал на полу. Клинок всё ещё светился золотом, но слабее, чем раньше.

— А это? — спросил он. — Что это?

Торниус подошёл, поднял меч, осмотрел его.

— Это — Меч Рассвета, — сказал он тихо. — Легенда. Сказка, что мы рассказывали друг другу в долгие зимние ночи. Мы думали, что его не существует. Но он есть. И он выбрал тебя.

— Выбрал?

— Меч пробуждается только в руках достойного, — Торниус посмотрел на Кавэлиана. — В руках того, в ком течёт кровь дракона и сердце человека. В руках последнего стра-

жа.

Кавэлиан молчал. Он чувствовал — мир вокруг него изменился. Не физически — таверна была той же, люди вокруг приходили в себя, Ринор поднимался с пола, охая. Но мир изменился. Потому что он теперь видел его по-другому. Потому что он теперь знал, кем был.

— Что мне делать? — спросил он.

Торниус положил руку ему на плечо — рука была горячей, как и его собственная.

— Тебе нужно уйти, — сказал старик. — Из Светлорэна. Из Ваниклоса. Тебе нужно идти в Рэнбуд — к эльфам. Они знают о пророчестве. Они знают, что делать.

— Какое пророчество?

Торниус помолчал.

— Пророчество о последнем драконе, — сказал он. — О том, кто встанет против Гула. О том, кто запечатает Бездну вновь. Или погибнет, пытаясь.

Кавэлиан закрыл глаза.

Он думал о своей кузнице. О горне, что никогда не остывал. О трещине-молнии на потолке. О простой жизни, что была у него ещё утром.

Всё это кончилось.

— Когда мне идти? — спросил он.

— Сейчас, — Торниус посмотрел на окно. — Ночь приближается. А ночью тени Вул'Трана становятся сильнее. Ты должен уйти до заката.

Кавэлиан кивнул. Он взял меч — клинок был тёплым в его руке, как живое существо — и сунул его в ножны, что появились... откуда? Он не помнил, чтобы делал их, но они были — из тёмной кожи, с золотой отделкой.

Он посмотрел на Ринора, что подходил к ним, бледный, растерянный.

— Кавэлиан... что... что произошло? — прошептал трактирщик.

Кавэлиан посмотрел на него — на своего друга, что знал его десять лет, что звал его выпить, что смеялся над его шутками.

— Прости, Ринор, — сказал он. — Я не могу объяснить. Не сейчас.

— Но...

— Береги себя, — Кавэлиан положил руку ему на плечо. — И... если придёт кто-то, кто спросит обо мне — скажи, что уехал. Давно. Что не знаешь, куда.

Ринор кивнул, глаза его были полны слёз.

— Береги себя, парень, — прошептал он.

Кавэлиан повернулся к Торниусу.

— Ты пойдёшь со мной?

Старик покачал головой.

— Нет, юный. Мой путь — другой. Я должен остаться здесь. Должен предупредить других. Должен... подготовить их.

— Подготовить к чему?

Торниус посмотрел на него — и в его золотых глазах была такая боль, что Кавэлиан отвёл взгляд.

— К войне, — сказал Торниус. — К войне, что придёт. К войне, что охватит весь Элорисиа. Ибо Вул'Тран не остановится, пока не найдёт тебя. А когда найдёт...

Он не закончил.

Кавэлиан кивнул. Он понял.

Он вышел из таверны — в последний раз вышел из таверны Ринора как простой кузнец. Солнце садилось, окрашивая белые башни Светлорэна в розовый цвет. Город был прекрасен — и Кавэлиан знал, что видит его таким в последний раз.

Он шёл быстро, не оглядываясь. К своей кузнице. Забрать самое необходимое — немного еды, воды, денег. Меч он уже взял. Больше ничего не нужно было.

В кузнице он остановился на мгновение. Посмотрел на горн, на наковальню, на инструменты, что висели на стене. На трещину-молнию на потолке.

"Прощай", — подумал он.

И ушёл.

Он шёл через город, держась теней. Солнце уже коснулось горизонта, и тени стали длинными, тёмными. Кавэлиан чувствовал — что-то изменилось в воздухе. Что-то наблюдает за ним.

Тихий, далёкий, но постоянный. Гул Вул'Трана, что шептал из Бездны, из-под корней Седых Хребтов, из самой тьмы мира.

Но теперь Кавэлиан слышал его по-другому. Теперь он мог ответить.

И он ответил.

Не словами — волей. Силой. Тем золотым огнём, что жил в его крови.

"Я иду", — подумал он. "Иди и ты".

Гул на мгновение замер.

А потом — усилился.

Кавэлиан усмехнулся. Впервые за день — усмехнулся.

Он вышел из города через западные ворота — те, что вели к большой дороге, к Рэнбуду, к эльфам. Стражники у ворот посмотрели на него странно — он был бледен, глаза горели золотом, за спиной — сумка с мечом. Но они не остановили его. Он был местный, свой.

За воротами начиналась дорога — длинная, пыльная, что вилась через холмы к лесу. Кавэлиан сделал первый шаг.

И в этот момент он услышал — за спиной, в городе, закричали.

Не один голос — множество. Крики страха, боли, ужаса.

Кавэлиан обернулся.

Над Светлорэном, над белыми башнями, над садами и храмами, поднималось что-то. Тьма — не облако, не дым, а живая тьма, что клубилась, что росла, что поглощала закат-

ное солнце. И в центре этой тьмы — глаз. Огромный, золотой.

Глаз Вул'Трана.

Он смотрел на Кавэлиана.

И Кавэлиан понял — война началась.

Он повернулся и пошёл. Быстрее. Быстрее. Не оглядываясь.

Впереди был Рэнбуд. Впереди были эльфы. Впереди — пророчество, Меч Рассвета, война.

Впереди — судьба.

И Кавэлиан, последний драконид, кузнец из Светлорэна, пошёл навстречу ей.

Путь в Рэнбуд

Дорога от Светлорэна к Рэнбуду была старой — настолько старой, что камни, которыми она была вымощена в некоторых местах, помнили ещё Эру Великих Драконов. Кавэлиан знал это, потому что сам чинил такие камни, когда они выпадали из мостовой — мастер Баррик, его учитель, часто брал его с собой на такие работы. "Хороший кузнец должен уметь не только мечи ковать", — говорил старый учитель, стуча молотком по камню. — "Хороший кузнец должен уметь чинить мир".

Теперь Кавэлиан шёл по этой дороге не как кузнец. Не как горожанин Светлорэна. А как... кто?

Он сам не знал, кем он теперь был.

Солнце село полностью, и дорога погрузилась в сумерки. Небо на западе ещё горело розовым и фиолетовым, но на востоке уже зажигались звёзды — яркие, холодные, равнодушные. Кавэлиан шёл быстро, не оглядываясь, но он чувствовал — город за его спиной жил своей жизнью. Или то, что от неё осталось.

Тот глаз. Огромный золотой глаз Вул'Трана, что поднялся над Светлорэном. Кавэлиан не знал, видели ли его горожане. Не знал, что случилось после того, как он ушёл. Не знал, жив ли Ринор.

Мысль об этом ударила сильнее, чем любой молот по на-

ковальне.

"Я бросил их", — подумал он. — "Я бросил всех их".

Но Торниус сказал — нужно уходить. Нужно идти к эльфам. Иначе... что? Иначе Вул'Тран найдёт его, и тогда погибнут все. Не только Светлорэн — весь Ваниклос. Вся Элорисиа.

Кавэлиан сжал рукоять меча. Меч Рассвета. Клинок был тёплым в его руке, как живое существо, и это тепло было... утешительным. Как будто меч понимал его страх, его сомнения, его вину. Как будто говорил: "Я с тобой".

"Спасибо", — подумал Кавэлиан, чувствуя себя глупо — разговаривать с мечом.

Но меч ответил.

Не словами. Не шёпотом. Просто — теплом. Пульсацией. Как будто сердце билось в металле.

Кавэлиан усмехнулся.

"Совсем с ума сошёл", — сказал он себе.

Но усмешка была нервной.

Он шёл несколько часов, пока дорога не вывела его из равнин Центрального Плоскогорья в предгорья. Здесь ландшафт начал меняться — холмы стали выше, деревья — гуще, воздух — холоднее. Кавэлиан чувствовал это кожей — его тело, теперь пробуждённое, было чувствительнее, чем раньше. Он ощущал каждый камень под ногами, каждое дуновение ветра, каждый запах — сосны, сырость земли, далёкого дыма.

И ещё — он чувствовал магию.

Не так, как чувствовал её раньше — смутно, как ощущение, что где-то рядом что-то есть. Теперь магия была... видимой. Не глазами — чем-то другим. Он видел, как она течёт в земле, в корнях деревьев, в камнях. Видел, как она пульсирует, как живая кровь.

Это было красиво. И страшно.

"Так вот что чувствуют эльфы", — подумал он. — "Каждый день. Каждую минуту".

Он понял, почему эльфы закрылись в Рэнбуде. Когда ты чувствуешь мир настолько остро, чужое присутствие — это боль. Как заноза в глазу.

Кавэлиан шёл дальше. Дорога вилась между холмами, поднималась, опускалась, снова поднималась. Луна взошла — полная, серебряная, освещающая путь. И в её свете Кавэлиан увидел — он не один.

Впереди, на перекрёстке, горел костёр.

Маленький, слабый, но костёр. И вокруг него — фигуры. Люди. Путники.

Кавэлиан замедлил шаг. Рука его легла на меч.

В его нынешнем состоянии он не знал, чего ожидать. Каждая тень могла быть тварью Вул'Трана. Каждый путник — замаскированным врагом. Паранойя? Возможно. Но Торниус предупредил — Вул'Тран найдёт его. И тогда...

Он подошёл ближе.

У костра сидели четверо. Трое мужчин и женщина. Все —

люди, судя по всему. Одеты в дорожные плащи, с рюкзаками, с оружием — мечи, арбалеты, ножи. Наёмники? Торговцы? Беженцы?

Один из мужчин — высокий, с седой бородой, в кольчуге — поднял голову, когда Кавэлиан подошёл.

— Стой, путник, — сказал он, и голос его был усталым, но твёрдым. — Кто ты и куда идёшь?

Кавэлиан остановился в десяти шагах от костра. Свет пламени падал на его лицо, и он увидел — мужчина разглядывает его глаза. Золотые глаза с вертикальными зрачками.

— Меня зовут Кавэлиан, — сказал он. — Я иду в Рэнбуд.

Мужчина нахмурился.

— В Рэнбуд? К эльфам?

— Да.

— Зачем?

Кавэлиан пожал плечами.

— По делу.

Мужчина посмотрел на своих спутников — они переглянулись. Женщина — молодая, с коротко стриженными волосами и арбалетом на коленях — усмехнулась.

— По делу, — повторила она. — Загадочно.

— Не твоё дело, Лира, — сказал мужчина. Он снова посмотрел на Кавэлиана. — Меня зовут Дуорен. Это — Луна Торн и Ник. Мы — наёмники. Идём в Рэнбуд по контракту. Охранять эльфийских послгов.

— Понятно, — Кавэлиан кивнул. — Я не ищу неприят-

ностей. Просто хочу пройти.

— Проходи, — Дуорен махнул рукой. — Место у костра есть. Ночь холодная.

Кавэлиан колебался мгновение. Но усталость победила — он шёл весь день, и ноги гудели. Он подошёл к костру, сел на свободное место, положил меч рядом.

Луна посмотрела на меч.

— Красивый, — сказала она. — Откуда?

— Сам выковал, — Кавэлиан пожал плечами.

— Кузнец? — Торн — молодой парень, худой, с веснушками — поднял брови. — Кузнец, идущий к эльфам? Странно.

— Почему странно?

— Эльфы не любят человеческую работу, — Торн усмехнулся. — Особенно — человеческое оружие. Говорят, оно грубое. Неизящное.

— Я не иду продавать им мечи, — Кавэлиан посмотрел в огонь. — Я иду... встретиться с кое-кем.

Дуорен нахмурился.

— С кем?

— Не важно, — Кавэлиан понял, что говорит слишком много. — Просто... по делу.

Дуорен посмотрел на него долгим взглядом, но не стал спрашивать. Вместо этого он достал из рюкзака флягу, отпил, протянул Кавэлиану.

— Выпей. Выглядишь так, словно видел призрака.

Кавэлиан взял флягу, отпил. Элем. Крепким, горьким. Он закашлялся.

Луна рассмеялась.

— Крепковато?

— Немного, — Кавэлиан вытер рот. — Спасибо.

Они сидели молча некоторое время. Огонь трещал, искры поднимались в ночное небо. Где-то вдалеке ухала сова.

— Ты не похож на кузнеца, — наконец сказала Луна.

— Почему?

— Слишком... напряжён, — она посмотрела на него. — И глаза у тебя странные.

Кавэлиан инстинктивно отвёл взгляд.

— Такие от рождения.

— Никогда не видела таких, — Луна пожала плечами. —

Но мало ли. Мир большой.

Дуорен посмотрел на огонь.

— Странные времена, — сказал он тихо. — Вы заметили?

Кавэлиан поднял голову.

— Что вы имеете в виду?

— Дороги, — Дуорен покачал головой. — Мы идём уже неделю. И за всю неделю — ни одной нормальной ночи. Всегда что-то. То тени странные. То животные бегут — целыми стадами, в панике. То... голоса.

— Голоса? — Кавэлиан почувствовал, как холод шевельнулся в груди.

— Да, — Торн кивнул. — Шёпот. Как будто кто-то гово-

рит из-под земли. На языке, которого не понимаешь. Но... чувствуешь.

— Что чувствуешь?

Торн пожал плечами.

— Страх. Просто... страх. Без причины.

Кавэлиан молчал. Он знал этот шёпот. Этот страх. Это был Вул'Тран.

— Мы думали — просто нервы, — продолжил Дуорен. — Но потом... потом мы увидели деревню.

— Какую деревню?

— Маленькую. На полпути отсюда. Называлась... не помню уже. Так вот — деревня была пуста. Дома целы. Еда на столах. Огонь в очагах — ещё тёплый. Но людей — ни одного. Ни стариков, ни детей, ни собак. Просто... исчезли.

Кавэлиан почувствовал, как кровь застыла в его жилах.

— И следы? — спросил он тихо.

Дуорен посмотрел на него.

— Ты знаешь о следах?

— Я... — Кавэлиан запнулся. — Я слышал. До того, как ушёл из города.

— Что слышал?

— Что на дорогах... что-то происходит. Что тени движутся.

Дуорен и Луна переглянулись.

— Следы были, — медленно сказал Дуорен. — Когти. Большие. И... слизь. Чёрная, вонючая. Как будто что-то гни-

лое ползло по земле.

Кавэлиан закрыл глаза.

Он знал, что это. Тени Вул'Трана. Твари, что выползали из трещин в реальности, когда гул становился слишком силён. Они охотились. Крали людей. Утаскивали в Бездну — или в то, что было её подобием в этом мире.

— Вам нужно вернуться, — сказал он, открыв глаза. — Немедленно.

— Что? — Луна нахмурилась. — Почему?

— Потому что то, что вы видели — это не просто тени. Это... охотники. И если они уже здесь, значит...

Он не закончил. Не мог сказать — значит, Вул'Тран пробуждается. Значит, мир в опасности. Значит, он, Кавэлиан, последний драконид, должен что-то делать.

— Значит, что? — настойчиво спросил Дуорен.

Кавэлиан посмотрел на него. На этих четырёх наёмников — простых людей, что просто хотели заработать на жизнь. Они не знали. Не должны были знать.

— Значит, дороги опасны, — сказал он. — И контракт с эльфами не стоит ваших жизней.

Дуорен покачал головой.

— Мы не отступаем. Контракт — контракт. Эльфы платят хорошо.

— Эльфы могут подождать, — Кавэлиан встал. — Послушайте меня. Уходите. Сейчас. Вернитесь в Светлорэн или в любой другой город. И не выходите на дороги, пока...

— Пока что? — Луна тоже встала, рука её легла на арбалет. — Ты что-то знаешь. Скажи.

Кавэлиан посмотрел на неё. На её золотые — нет, карие — глаза. На её руку на арбалете. На лица остальных — настороженные, испуганные, но упрямые.

Он мог бы сказать им правду. Мог бы рассказать о драконидях, о Вул'Тране, о пророчестве. Но что это дало бы? Они бы не поверили. Или поверили — и тогда что? Втянул бы их в войну, к которой они не готовы.

— Я не могу сказать, — он покачал головой. — Просто — верьте мне. Уходите.

Дуорен смотрел на него долго. Потом — покачал головой.

— Нет. Мы идём дальше.

— Тогда идите без меня, — Кавэлиан взял меч, перекинул сумку через плечо. — Я иду в другую сторону.

— Ты сказал — в Рэнбуд.

— Я передумал, — Кавэлиан отвернулся. — Прощайте.

Он пошёл. Не оглядываясь.

За спиной он слышал, как они спорили — тихо, но настойчиво. Луна что-то говорила, Дуорен отвечал. Потом — тишина.

Кавэлиан шёл дальше. Дорога вилась вперёд, в ночь, в неизвестность.

И в какой-то момент он услышал — за спиной, далеко, но отчётливо — крик.

Не человеческий.

Он обернулся.

На месте костра — ничего. Только угли, что догорали. И тьма.

Но в этой тьме — движение. Тени, что не должны были двигаться. Щупальца, что тянулись из земли.

Кавэлиан сжал меч.

"Нет", — подумал он. "Только не они".

Он побежал обратно.

Когда он добежал до места костра, было уже поздно.

Костёр был потушен — не водой, а... высосан. Угли были холодными, серыми, как будто из них вытянули весь жар. И вокруг — следы. Когти. Слизь. И... кровь.

Много крови.

— Дуорен! — крикнул Кавэлиан. — Луна! Торн! Ник!

Тишина.

Он опустился на колени, посмотрел на следы. Твари было много — пять, может, шесть. Они пришли быстро, бесшумно. Наёмники не успели даже крикнуть — или крикнули, но слишком поздно.

"Я должен был настоять", — подумал Кавэлиан, и вина ударила его сильнее, чем любой молот. "Я должен был сказать им правду".

Он встал, посмотрел вокруг. Следы вели в лес — в сторону, противоположную Рэнбуду. Твари утащили тела туда.

Кавэлиан сжал меч.

"Нет", — сказал он себе. "Не сегодня. Не их".

Он пошёл по следам.

Лес был тёмным, густым, полным звуков ночи. Кавэлиан шёл быстро, ориентируясь не только глазами, но и... чем-то другим. Он чувствовал тварей — их присутствие было как дыра в реальности, как пустота, что сосала магию вокруг.

Через четверть часа он нашёл их.

Шесть тварей — высоких, тощих, с длинными конечностями и лицами, что были не лицами, а провалами в тьме. Они стояли вокруг... чего-то. Кавэлиан подошёл ближе, спрятался за деревом, посмотрел.

Твари стояли вокруг Дуорена.

Он был жив — но едва. Лежал на земле, связанный чем-то чёрным, липким. Лицо его было бледным, глаза полузакрыты. Твари склонились над ним — не ели, не убивали. Они... шептали.

Кавэлиан услышал этот шёпот — и кровь застыла в его жилах.

Это был Вул'Тран. Его голос. Его гул. Твари были его ртом, его руками, его волей. И они шептали Дуорену — не угрозы, не проклятия. Они шептали ему... обещания.

"Присоединяйся к нам", — шептали они. "Прими Гул. Стань частью его. И боль уйдёт. И страх уйдёт. И ты будешь... вечен".

Дуорен мотал головой — слабо, но мотал. Он боролся.

Кавэлиан не мог ждать.

Он вышел из-за дерева.

Меч Рассвета вспыхнул в его руке — золотым светом, что разрезал тьму, как нож масло.

Твари обернулись. Провалы их лиц — если это можно было назвать лицами — повернулись к нему. И Кавэлиан почувствовал — они узнали его. Узнали, кем он был.

И испугались.

— Отпустите его, — сказал Кавэлиан, и голос его был твёрдым. — Или я сожгу вас всех.

Одна из тварей — самая большая — выпрямилась. Она была выше Кавэлиана на голову, с длинными, тонкими руками, что заканчивались когтями.

— Драконид, — прошипела она. — Ты не должен вмешиваться. Этот — наш. Гул выбрал его.

— Он не ваш, — Кавэлиан поднял меч. — И Гул не получит его.

Тварь усмехнулась — если усмешкой можно было назвать движение провала в её лице.

— Ты один, драконид. Нас — шестеро. Ты не победишь.

— Посмотрим, — Кавэлиан сделал шаг вперёд.

И тогда он почувствовал — что-то внутри него шевельнулось. Не страх. Не сомнение. Что-то другое. Что-то древнее, горячее, драконье.

Его глаза вспыхнули золотом. Полностью золотом.

Кожа на руках начала меняться — проступила чешуя. Золотая, горячая.

Когти — его собственные когти, что выросли из пальцев

— блеснули в свете меча.

Твари отступили на шаг.

— Полный... — прошипела большая тварь. — Полный драконид...

— Да, — Кавэлиан усмехнулся. — И я — не один.

Он поднял меч — и огонь вырвался из клинка. Не из его пасти — из меча. Золотой огонь, что ударил в тварей, как волна.

Они закричали — крик был таким, что деревья задрожали. Огонь жёг их, разрывал, уничтожал. Тьма, из которой они состояли, не могла выдержать света — настоящего света, света дракона, света Меча Рассвета.

Через мгновение тварей не было. Только пепел на земле.

Кавэлиан опустился на колени рядом с Дуореном. Разрезал мечом чёрные путы — они распались, как дым.

— Дуорен, — он тряс его за плечо. — Дуорен, очнись.

Наёмник открыл глаза. Посмотрел на Кавэлиана — мутно, не узнавая.

— Кто... кто ты? — прошептал он.

— Друг, — Кавэлиан помог ему сесть. — Ты в безопасности. Их больше нет.

Дуорен моргнул. Посмотрел на пепел вокруг. На свои руки. На Кавэлиана — на его золотые глаза, на чешую на руках, на меч, что всё ещё светился.

— Ты... ты не человек, — прошептал он.

— Нет, — Кавэлиан покачал головой. — Не совсем.

— Что... что ты?

Кавэлиан помолчал.

— Я — драконид, — сказал он. — Последний. Или один из последних.

Дуорен смотрел на него долго. Потом — кивнул. Медленно.

— Я... я слышал о вас, — прошептал он. — В старых сказках.

— Это не сказки, — Кавэлиан помог ему встать. — Пойдём. Тебе нужно отдохнуть.

— А... а остальные? Луна? Торн? Ник?

Кавэлиан молчал.

Дуорен понял. Закрыв глаза. Слёзы потекли по его щекам.

— Я должен был слушать тебя, — прошептал он. — Я должен был уйти.

— Ты не виноват, — Кавэлиан положил руку ему на плечо. — Никто из нас не виноват. Виноват... тот, кто послал их.

Они пошли. Медленно. Дуорен хромал — но шёл.

— Куда мы идём? — спросил он.

— В Рэнбуд, — Кавэлиан посмотрел вперёд. — К эльфам.

Они помогут.

— Помогут? Чем?

Кавэлиан усмехнулся — горько.

— Надеюсь — всем.

Они шли в ночь. Впереди — Рэнбуд. Впереди — эльфы. Впереди — пророчество.

А за спиной — тьма, что становилась всё гуще.

Они шли до рассвета.

Дарен хромал, но не жаловался. Кавэлиан несколько раз предлагал ему отдохнуть, но наёмник качал головой — "Если остановимся, я не встану снова". И Кавэлиан понимал — он прав. Шок, потеря крови, усталость — всё это держалось на силе воли. Как только Дуорен сядет, он может не встать.

Луна в небе медленно ползла, освещая путь серебристым светом. Деревья вокруг становились всё выше, всё гуще. Кавэлиан чувствовал — они приближались к Рэнбуду. Лес менялся.

Это было не просто ощущение — это было знание. Его драконья кровь пела, когда они приближались к древнему лесу. Магия здесь была гуще, плотнее, как воздух перед грозой. Кавэлиан видел её — не глазами, а чем-то глубоким. Зелёные нити, что переплетались между деревьями, пульсировали в такт невидимому сердцу. Земля дышала. Камни пели.

— Ты чувствуешь это? — спросил Дуорен тихо.

Кавэлиан посмотрел на него.

— Что?

— Лес, — Дуорен обвёл рукой вокруг. — Он... живой. Не в смысле — деревья растут. А... осознаёт. Как будто смотрит на нас.

Кавэлиан кивнул.

— Рэнбуд — не просто лес. Это — древний лес. Деревья здесь помнят рождение мира. Они... чувствуют.

— И что они чувствуют?

Кавэлиан помолчал.

— Нас, — сказал он. — И то, что идёт за нами.

Дуорен сжал рукоять меча — простого, стального, без золотого света.

— Ты думаешь, они здесь?

— Твари Вул'Трана? — Кавэлиан посмотрел в темноту между деревьев. — Да. Думаю, да. Они не остановятся. Не пока...

Он не закончил. Не хотел говорить — не пока не найдут меня. Не пока не убьют. Или не заберут.

Рассвет застал их на опушке.

Кавэлиан остановился, и дыхание перехватило.

Перед ними начинался Рэнбуд.

Но это был не просто лес. Это была... граница между мирами. Деревья на опушке были огромными — такими, что их стволы напоминали башни. Кора их была тёмной, почти чёрной, но листья — ярко-зелёные, светящиеся изнутри, как будто в них горел маленький огонь. Воздух здесь был другим — свежее, чище, наполненным запахами, которых Кавэлиан никогда не чувствовал: сладкий аромат невидимых цветов, терпкий запах древней смолы, что-то ещё — что-то, что напоминало о звёздах.

И тишина.

Не та тишина, что бывает в пустых местах. А тишина, что была полной — как будто лес слушал.

— Красиво, — прошептал Дуорен.

Кавэлиан кивнул.

— Да. И опасно.

— Почему?

— Рэнбуд не пускает чужаков, — Кавэлиан вспомнил, что говорил Торниус. — Тропы его меняются. Кто войдёт без приглашения — не выйдет никогда.

— А как нас пригласят?

— Не знаю, — Кавэлиан пожал плечами. — Надеюсь, скоро узнаем.

Они стояли на опушке, не решаясь войти. И в этот момент Кавэлиан почувствовал — что-то изменилось. Лес... заметил его.

Не Дуорена — его.

Деревья впереди зашевелились — не от ветра, ветра не было. Ветви разошлись, и между ними появилась тропа. Узкая, едва заметная, но — тропа. И она вела вглубь леса.

— Смотри, — Дуорен указал на тропу.

— Вижу, — Кавэлиан сжал меч. — Лес знает, кто я.

— И... пускает?

— Похоже на то, — Кавэлиан сделал шаг вперёд. — Идём.

Они вошли в Рэнбуд.

Лес внутри был другим.

Свет здесь был не солнечным — он шёл отовсюду, от листьев, от мха, от самой земли. Мягкий, золотисто-зелёный, он создавал ощущение, что они идут не в лесу, а в соборе. Высокие деревья, как колонны, уходили в небо, их кроны терялись в высоте. Под ногами был мягкий мох, что пружинил при каждом шаге.

И звуки.

Кавэлиан слышал их все — пение птиц, которых не видел, шелест листьев, что звучал как шёпот, далёкий звон — как будто кто-то ударял по хрустальному колоколу. И под всем этим — гул. Не Вул'Трана. Другой. Древний. Спокойный. Гул самого леса.

— Это... невероятно, — прошептал Дуорен. — Я никогда не думал, что эльфийские леса такие.

— Мало кто думает, — Кавэлиан оглядывался. — Эльфы не любят пускать чужаков.

— Почему ты думаешь, что нас пустили?

— Не знаю, — Кавэлиан пожал плечами. — Может, потому что я — драконид. Эльфы... они помнят драконов. Уважают их.

— А может, это ловушка, — Дуорен сжал меч крепче.

Кавэлиан усмехнулся.

— Может быть.

Они шли по тропе. Тропа вела их всё глубже в лес, петляла между деревьями, поднималась на холмы, спускалась в лощины. Кавэлиан чувствовал — лес наблюдал за ними. Не

враждебно — но внимательно. Как старый, мудрый страж, что решает, пускать ли гостя дальше.

Через час ходьбы они вышли на поляну.

И Кавэлиан понял — они не одни.

На поляне стояли эльфы.

Много. Десятки. Все — в зелёных и серебряных доспехах, с луками в руках, стрелы уже на тетивах. Их лица были прекрасны — как у всех эльфов — но прекрасны холодно, отстранённо. Глаза — зелёные, золотые, серебряные — смотрели на путников без враждебности, но и без дружелюбия. Как оценивающе.

Впереди стояла женщина.

Высокая — выше Кавэлиана, хотя он был немаленького роста. Волосы — длинные, цвета воронова крыла, заплетённые в сложную косу. Кожа — светлая, но не бледная, с оливковым оттенком. Глаза — зелёные, как листья Рэнбуда, но в них горел огонь. Огонь власти.

Она смотрела на Кавэлиана — и только на него.

— Драконида, — сказала она, и голос её был как песня — мелодичный, но твёрдый. — Мы ждали тебя.

Кавэлиан остановился.

— Ждали?

— Да, — эльфийка кивнула. — Долго. Слишком долго.

— Кто вы?

— Я — Айлорис, — сказала она. — Капитан Лесных Стражей. И ты стоишь на земле Рэнбуда, драконида. Земле,

что не пускает чужаков. Но тебя — пустила.

— Почему?

Айлорис посмотрела на него долгим взглядом.

— Потому что лес узнал твою кровь, — сказала она. — Кровь Антиса Золотого. Первого из Семи.

Кавэлиан замер.

— Ты... знаешь?

— Мы знаем многое, драконид, — Айлорис усмехнулась — но усмешка была грустной. — Мы — эльфы. Мы помним. Помним Войну Тени. Помним Семь Великих. Помним... обещание.

— Какое обещание?

Айлорис посмотрела на Дуорена — наёмник стоял позади Кавэлиана, бледный, с мечом наготове, но не угрожающе. Эльфийки оценили его — коротким взглядом, и отвернулись. Не представлял угрозы.

— Твой спутник может подождать здесь, — сказала Айлорис. — Ему дадут еду, воду, место для отдыха. Но ты... ты пойдёшь со мной.

— Почему?

— Потому что Жрица хочет видеть тебя, — Айлорис сделала шаг вперёд. — Немедленно.

Кавэлиан посмотрел на Дуорена.

— Иди с ними, — сказал он тихо. — Они не причинят тебе вреда.

— А ты?

— Я вернусь, — Кавэлиан положил руку ему на плечо. — Обещаю.

Дуорен кивнул — неохотно, но кивнул. Эльфийки подошли к нему, взяли под руки — не грубо, но твёрдо — и повели в сторону. Дуорен оглянулся на мгновение — и исчез между деревьями.

Кавэлиан повернулся к Айлорис.

— Веди.

Тропа вела их всё глубже в Рэнбуд, через поляны и рощи, через ручьи с водой, что светилась в сумраке, через арки из переплетённых ветвей, что были так высоки, что Кавэлиан задирает голову, чтобы увидеть их вершину. Лес вокруг был живым — не в метафорическом смысле, а буквально. Деревья шевелились, когда они проходили, ветви расступались, чтобы дать дорогу, цветы поворачивали головы, чтобы посмотреть на них.

И эльфы.

Кавэлиан видел их повсюду — в кронах деревьев, на тропках, у ручьёв. Все они смотрели на него — с любопытством, с надеждой, с... болью? Он не мог разобрать. Но чувствовал — его присутствие здесь значило для них больше, чем он понимал.

— Как далеко мы идём? — спросил он наконец.

— В Эльрисию, — ответила Айлорис. — Нашу столицу.

— Это далеко?

— Нет, — Айлорис покачала головой. — Эльрисия — в

сердце Рэнбуда. Мы уже близко.

И действительно — через несколько минут деревья расступились, и Кавэлиан увидел...

Он остановился.

Дыхание перехватило.

Перед ним был город.

Но не город в человеческом понимании. Эльрисия не был построен — он вырос. Деревья здесь были такими огромными, что их стволы напоминали башни, а кроны — целые холмы. И в этих кронах, на высоте десятков метров, были дома. Мосты из живых ветвей соединяли их, лестницы из переплетённых лиан вели вверх и вниз. Свет — мягкий, золотисто-зелёный — шёл отовсюду: от листьев, от цветов, от магических кристаллов, что висели в воздухе, как маленькие солнца.

Воздух здесь пел. Буквально пел — эльфийские голоса, что доносились из домов, сливались в единую мелодию, что заполняла всё пространство. Мелодию, от которой у Кавэлиана защипало в глазах.

— Это... — он не нашёл слов.

— Эльрисия, — Айлорис улыбнулась — впервые за всё время. — Дом эльфов. И, надеюсь, твой новый дом.

Они вошли в город.

Подъём по живой лестнице занял несколько минут. Лестница — из переплетённых ветвей и лиан — была тёплой под ногами, живой, и Кавэлиан чувствовал, как она пульсирует,

как дерево, что несёт их вверх.

Наверху был мост — из тех же живых ветвей — что вёл к самому большому дереву в городе. Дерево было таким огромным, что его ствол напоминал башню собора, а крона терялась в высоте, как облако. И в этом дереве — в его стволе, в его ветвях, в его корнях — был дворец.

Айлорис привела его ко входу — арке из переплетённых ветвей, что светилась мягким золотым светом. Внутри — длинный зал, стены которого были живым деревом, украшенным резьбой. Пол — из полированного камня, что отражал свет, как вода. И в конце зала — трон.

Нет, не трон. Кресло. Из живых ветвей, что переплелись, создавая форму, удобную и величественную одновременно.

И на этом кресле сидела она.

Жрица Лирзаэль.

Кавэлиан видел её в своих снах — не буквально, но чувствовал. Она была... как лес. Как Рэнбуд в миниатюре. Высокая, с длинными серебряными волосами, что падали до пояса. Глаза — зелёные, но не как у Айлорис. Её глаза были глубже — как озёра, в которых отражаются звёзды. Кожа — светлая, но с оттенком, что напоминал о лунном свете. И на её лице — морщины. Не от старости — эльфы не старели так. А от... знаний. От боли, что она несла. От веков, что она прожила.

Она смотрела на него.

И Кавэлиан понял — она видела его насквозь. Не его тело

— его душу. Его кровь. Его судьбу.

— Кавэлиан, — сказала она, и голос её был как песня Рэн-буда — мелодичный, древний, полный силы. — Сын Антиса. Последний из нас. Добро пожаловать домой.

Кавэлиан остановился в десяти шагах от неё.

— Домой? — повторил он. — Я... я не отсюда.

— Нет, — Лирзаэль покачала головой. — Ты не отсюда. Но ты — от нас. Твоя кровь — наша кровь. Кровь драконов. И этот лес — твоя земля, как и наша.

— Я не знал, — Кавэлиан сжал меч. — До вчерашнего дня я не знал, кто я.

— Знаю, — Лирзаэль кивнула. — Мы знаем. Мы наблюдали за тобой, Кавэлиан. Долго. С того дня, как ты родился.

— Почему?

— Потому что ты — последний, — Лирзаэль встала с кресла. Она была высокой — выше Кавэлиана на голову — и двигалась с грацией, что была нечеловеческой. — Последний драконид, что несёт в себе душу Антиса Золотого. Первого из Семи. И потому — ключ ко всему.

— Ключу к чему?

Лирзаэль подошла ближе. Её зелёные глаза смотрели в его золотые — и Кавэлиан почувствовал, как что-то внутри него откликается. Не страх. Не трепет. Узнавание. Как будто он знал её — всегда знал.

— Ключу к пророчеству, — сказала она тихо. — Пророчеству о последнем драконе. О том, кто встанет против Гула.

О том, кто запечатает Бездну вновь.

Кавэлиан молчал.

— Ты знаешь пророчество? — спросил он наконец.

— Мы храним его, — Лирзаэль кивнула. — Тысячи лет. Передаём из поколения в поколение. Ждём.

— Чего ждёте?

— Тебя, — она положила руку ему на плечо. Рука была холодной — но не неприятно. Как прохлада леса в жаркий день. — Мы ждали тебя, Кавэлиан. С того дня, как Вул'Тран начал пробуждаться. С того дня, как гномы в Седых Хребтах нарушили печать. Мы знали — ты придёшь.

— Откуда вы знали?

— Потому что пророчество говорит, — Лирзаэль отвела взгляд. — "Когда тень накроет солнце, когда печать треснет, когда мёртвые встанут — проснётся последний дракон". Печать треснула, Кавэлиан. Тень накрыла часть солнца — ты видел глаз Вул'Трана над Светлорэном. И мёртвые... мёртвые начинают вставать.

Кавэлиан закрыл глаза.

Всё сходилось.

Всё, что он видел. Всё, что чувствовал. Всё, что с ним происходило за последние сутки.

— Что мне делать? — спросил он, открыв глаза.

Лирзаэль посмотрела на него — и в её взгляде была такая боль, что Кавэлиан отвёл глаза.

— То, что предначертано, — сказала она. — Ты должен

запечатать Бездну вновь. Как это сделали Семь Великих. Как это сделал Антис — твой предок.

— Но... я один. Как я могу...

— Ты не один, — Лирзаэль покачала головой. — У тебя есть меч. Меч Рассвета. И у тебя есть мы. Эльфы. И, надеюсь, другие — гномы, люди. Все свободные народы Элорисиа.

— А если этого недостаточно?

Лирзаэль молчала долго.

— Тогда, — сказала она наконец, — ты заплатишь цену. Как заплатили Семь.

Кавэлиан почувствовал, как холод шевельнулся в груди.

— Какую цену?

— Жизнь, — Лирзаэль посмотрела на него прямо. — Пророчество говорит — "Жизнь или свобода, любовь или долг, мир или вечный гул". Ты должен выбрать, Кавэлиан. И выбор этот — не между добром и злом. А между тем, что ты любишь, и тем, что должен сделать.

Кавэлиан молчал.

Он думал о Светлорэне. О Риноре, что остался там — жив ли он? Думал о своей кузнице, о горне, о трещине-молнии на потолке. Думал о Дуорене, что ждал его где-то внизу, в городе. Думал о Торниусе — старом дракониде, что остался в Светлорэне, чтобы "подготовить их".

И думал о себе.

О жизни, что он мог бы прожить — если бы не был драконидом. Если бы не был последним.

— Я... — он запнулся. — Я не герой, Лирзаэль. Я — кузнец. Я ковал мечи. Чинил плуги. Я не...

— Ты — больше, чем кузнец, — Лирзаэль положила обе руки ему на плечи. — Ты — сын Антиса. Ты — последний драконид. И ты — единственный, кто может это сделать.

— А если я не смогу?

— Тогда Элорисиа погибнет, — Лирзаэль сказала это просто. Без пафоса. Без драмы. Просто — факт. — Вул'Тран вырвется. И всё, что мы любим — лес, города, народы — всё будет поглощено Гулом. Навсегда.

Кавэлиан закрыл глаза.

Он чувствовал меч у пояса — тёплый, живой. Чувствовал кровь в жилах — драконью, горячую. Чувствовал лес вокруг — древний, мудрый, ждущий.

И чувствовал Вул'Трана.

Гул — далёкий, но постоянный — шептал из-под корней Седых Хребтов. Шептал ему. Звал.

"Приди ко мне, драконид", — шептал гул. "Прими свою судьбу. Стань частью меня. И боль уйдёт".

Кавэлиан открыл глаза.

— Я сделаю это, — сказал он. — Я запечатаю Бездну.

Лирзаэль улыбнулась — грустно, но с надеждой.

— Знаю, — сказала она. — Ибо ты — сын Антиса.

Она отступила, и Кавэлиан почувствовал — что-то изменилось. Не в зале. Не в городе. В мире.

Как будто сама судьба кивнула.

— Но сначала, — Лирзаэль повернулась к Айлорис, что стояла у входа, — ему нужно отдохнуть. Ему нужно узнать больше. Ему нужно... подготовиться.

— Я прикажу приготовить для него покои, — Айлорис кивнула.

— И ещё, — Лирзаэль посмотрела на Кавэлиана. — Твой спутник. Дуорен. Он может остаться в Эльриси, если хочет. Или уйти — мы проводим его до безопасной дороги.

— Он пойдёт со мной, — Кавэлиан не колебался. — Он... он потерял друзей из-за меня. Я не брошу его.

Лирзаэль кивнула.

— Как скажешь, драконид.

Она повернулась и пошла к выходу из зала. Но на мгновение остановилась.

— Кавэлиан, — сказала она, не оборачиваясь. — Будь осторожен. Вул'Тран знает, что ты здесь. И он... он не будет сидеть сложа руки.

— Что вы имеете в виду?

Лирзаэль обернулась — и в её зелёных глазах был страх.

— Наши стражи сообщают — на границах Рэнбуда собираются силы. Не орки. Не твари. Что-то... большее. Что-то, чего мы не видели со времён Великой Распри.

— Что?

— Не знаю, — Лирзаэль покачала головой. — Но боюсь, что скоро узнаем.

Она ушла.

Кавэлиан остался стоять в зале — один, если не считать Айлорис, что молча стояла у входа.

Он посмотрел на меч у пояса. Меч Рассвета. Клинок, что выбрал его.

"Что я наделал?" — подумал он.

Но ответ знал.

Он сделал то, что должен был сделать.

Пламя Антиса

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.